

Серен Обю Кьеркегор Афоризмы эстетика filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Серен Кьеркегор Обю

Афоризмы эстетика

Что такое поэт? – Несчастный, переживающий тяжкие душевные муки; вопли и стоны превращаются на его устах в дивную музыку. Его участь можно сравнить с участью людей, которых сжигали заживо на медленном огне в медном быке Фалариса: жертвы не могли потрясти слуха тирана своими воплями, звучащими для него сладкой музыкой.

И люди толпятся вокруг поэта, повторяя: "Пой, пой еще!", иначе говоря – пусть душа твоя терзается муками, лишь бы вопль, исходящий из твоих уст, по-прежнему волновал и услаждал нас своей дивной гармонией. Требование толпы поддерживают и критики: это верно, так и должно быть по законам эстетики! Критик, впрочем, – тот же поэт, только в сердце его нет таких страданий. а на устах – музыки. Оттого, по-моему, лучше быть пастухом, понятым своим стадом, чем поэтом, ложно понятым людьми!

Я предпочитаю разговаривать с детьми – есть, по крайней мере, надежда, что из них выйдут разумные существа, – тогда как те, которые считают себя таковыми... увы!

Какие люди странные! никогда не пользуясь присвоенной им свободой в одной области, они во что бы то ни стало требуют ее в другой: им дана свобода мысли, так нет, подавай им свободу слова!

Ничего не хочется... Ехать не хочется – слишком сильное движение: пешком идти не хочется – устанешь; лечь? – придется валяться попусту или снова вставать, а ни того, ни другого не хочется... Словом, ничего не хочется.

Есть насекомые, умирающие вслед за оплодотворением. Так и наши радости: момент самого полного наслаждения – и их уже нет!

Полезный совет писателям: следует набрасывать свои размышления как придется и прямо отдавать в печать; при чтении же корректуры могут появиться и хорошие мысли. Итак, те, у кого до сих пор не хватало храбрости выступить в печати, – смелее! Не следует пренебрегать и опечатками; блеснуть остроумием, – хотя бы только и благодаря опечаткам, – по меньшей мере, законное право писателя!

Главное несовершенство человеческой природы состоит в том, что цели наших желаний – всегда в противоположном. Можно привести такую массу примеров, что и психологу будет над чем поломать себе голову. Так, ипохондрик особенно чуток к юмору, сластолюбец охотно говорит об идиллии, развратник о морали, скептик о религии. Да и святость постигается не иначе, как в грехе.

Кроме многочисленных знакомых, у меня есть один друг – грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работы он вдруг отзывает меня, увлекает в свое уединение, и я иду за ним, хотя, в сущности, и не двигаюсь с места. Никогда сердце мое не имело более верного друга – мудрено ли, что я принадлежу ему всем сердцем!

Какую бесконечную грусть испытываешь при виде человека, совершенно одинокого на свете! На днях я видел такую бедную девушку, – она шла на конфирмацию одна-одинешенька!

Есть болтливое резонерство, которое по своей нескончаемости и в смысле значения для истории сходно со списком необозримых египетских родословных.

Старость, как известно, осуществляет мечты юности; пример – Свифт: в молодости он построил дом для умалишенных, а на старости лет и сам поселился в нем.

Можно просто испугаться того, с каким мрачным глубокомыслием открывали в старину англичане двусмысленность в основе смеха. Вот что говорит, например, д-р Гартли: "Смех при появлении у детей есть начинающийся плач, вызванный болью, или сразу подавленное и повторяющееся через короткие промежутки выражение чувства боли". Что, если все на свете было бы лишь одним недоразумением, если бы смех был, в сущности, плачем!

Корнелий Непот рассказывает, как один начальник большого кавалерийского отряда, запертый неприятелем в крепости, приказывал ежедневно бить лошадей кнутом, чтобы они не захворали от продолжительной стоянки и бездействия... Я тоже теперь живу как осажденный и, чтобы не пострадать от продолжительного бездействия, плачу, плачу, пока не устану.

Сдается мне, я представляю собой нечто в роде шахматной фигуры, о которой противник говорит: заперта!

Алладин* производит на нас такое освежающее впечатление именно потому, что мы видим в этой пьесе детски гениальную смелость самых причудливых желаний. А многие ли в наше время дерзают действительно пожелать, потребовать что-либо, обращаясь к природе: или, как благовоспитанное дитя, с просьбой "пожалуйста", или с бешенством отчаяния? В наше время много толкуют о том, что человек создан по образу и подобию Божию, но много ли найдется людей, которые, сознавая это, принимают по отношению к жизни тон повелителя? Не похоже ли мы все на Нурредина, низко кланяющегося духу, опасаясь потребовать слишком много или слишком мало? Не низводим ли мы каждое великое требование наше к болезненному созерцанию собственного я? Вместо того, чтобы предъявлять требования жизни, мы предъявляем их себе... к этому нас, впрочем, готовят и дрессируют! Драма Эленшлегера". Сюжет взят из "Тысячи и одной ночи". Прим. перев.

Громадная неувядаемая мощь древней народной поэзии в том и состоит, что в ней есть сила желаний. Желания же нашего времени только греховны и пошлы, - у нас все сводится к желанию поживиться за счет ближнего. Народная поэзия превосходно сознает, что у ближнего нет того, чего она жаждет, и поэтому, если иной раз и предъявляет какое-нибудь грешное желание, то оно до того величественно, до того вопиет к небу, что заставляет содрогнуться. Эта поэзия не торгуется в своих требованиях с холодными соображениями трезвого рассудка. До сих пор, например, Дон Жуан проходит перед нами на сцене со своими "1003 любовницами", - и никто не осмелится улыбнуться, - уже из одного уважения к преданию. А вздумай поэт создать что-либо подобное в наше время, его, наверное, осмеют.

Предание говорит, что Пармениск потерял способность смеяться в трофонийской пещере, но снова приобрел ее на острове Делос, увидав уродливый обрубок, считавшийся изображением богини Лето. Нечто в роде этого было и со мной. В ранней юности я было разучился смеяться в трофонийской пещере; возмужав, я взглянул на жизнь открытыми глазами, засмеялся и с тех пор не перестаю... Я понял, что значение жизни сводится к "теплому местечку"; что цель жизни - чин статского или иного советника; истинный смысл и желание любви - женитьба на богатой; блаженство дружбы - денежная поддержка; истина - лишь то, что признается большинством, восторженность - способность произнести спич; храбрость - риск подвергнуться десятирублевому штрафу; сердечность - послеобеденное пожелание "на здоровье"; набожность - ежегодное говение... Я взглянул на жизнь и засмеялся.

Чем я связан? Из чего была цепь, которую сковали волка Фенриса? Из шума кошачьих шагов, из бород женщин, из корней гор, из дыхания рыб, из слюны птиц. И я скован цепью из мрачных фантазий, тревожных грез, беспокойных дум, жутких предчувствий и безотчетных страхов. Цепь эта "упруга, легка как шелк, растяжима до бесконечности, и ее нельзя разорвать".

Я, может быть, и постигну истину, но до познания блаженства душевного мне еще далеко. Что же мне делать? Скажут: "займись делом". Каким? Чем мне заняться? Разве оповещать человечество о своей грусти, стараясь представить новые доказательства печального ничтожества человеческой жизни? Или открывать какие-нибудь новые, еще не известные доселе, темные стороны жизни? Этим я мог бы, пожалуй, стяжать себе редкую награду: прославиться, наподобие астронома, открывшего новые пятна на Юпитере. Предпочитаю, однако, молчать.

Удивительная вещь: во всех возрастах жизни человек занят одним и тем же, трудится над разрешением одной и той же проблемы и не только не двигается с места, а скорее даже идет назад. Еще пятнадцатилетним мальчиком я преважно

Серен Обю Кьеркегор Афоризмы эстетика filosofff.org
написал школьное сочинение на тему "Доказательства бытия Бога, бессмертия души, необходимости веры и действительности чуда". На выпускном экзамене мне опять пришлось писать о бессмертии души, и мое сочинение удостоилось особого одобрения; несколько позже я получил даже премию за другое сочинение на ту же тему. Кто поверит, что после такого многообещающего начала я к двадцати пяти годам от роду дошел до того, что не мог привести ни одного доказательства в пользу бессмертия души! Особенно памятно мне, что одно из моих сочинений на упомянутую тему было прочитано учителем вслух и расхвалено как за мысли, так и за слог. ... Увы! Сочинение это я давно куда-то забросил! Какая жалость! Может быть, оно рассеяло бы теперь мои сомнения. Вот мой совет родителям, начальникам и учителям: следует внушить детям хранить все написанные ими в пятнадцатилетнем возрасте сочинения на родном языке. Дать такой совет - единственное, что я могу сделать для блага человечества.

Как человеческая натура всегда верна себе! С какой природной гениальностью дает нам иногда маленький ребенок живую картину сложных житейских отношений. Так забавно было сегодня смотреть на маленького Людвига. Он сидел на своем высоком креслице и предовольно посматривал вокруг. По комнате прошла его няня Мария. "Мария!" - кричит он. "Что, Людвиг?" - ласково отвечает она и подходит к нему, а он, слегка наклонивши головку набок и глядя на нее своими большими лукавыми глазенками, прехладнокровно заявляет: "Не ту Марию, другую!"... А мы как поступаем? Взываем ко всему человечеству, а когда люди приветливо идут нам навстречу, мы восклицаем: "Не ту Марию!"...

Моя жизнь - вечная ночь... Умирая, я мог бы воскликнуть, как Ахиллес:
Du bist vollbracht,
Nachtwache meines Daseins!' Ты завершилась, Ночная стража моего бытия!
(нем.).

Моя жизнь совершенно бессмысленна. Когда я перебираю в памяти различные ее эпохи, мне невольно хочется сравнить ее с немецким словом "Schnur", обозначающим, как известно, во-первых - шнурок, во-вторых - эпоху. Недоставало только, чтобы оно обозначало еще: в-третьих - верблюда, а в-четвертых - швабру.

Право, я похож на Люнебургскую свинью. Мышление - моя страсть. Я отлично умею искать трюфели для других, сам не получая от того ни малейшего удовольствия. Я подымаю носом вопросы и проблемы, но все, что я могу сделать с ними - это перебросить их через голову.

Как, однако, скука... ужасно скучна! Более верно или сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно бы нарушило эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу - везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю. Прометею хоть коршун печень клевал, на Луки хоть яд беспрерывно капал, - все же было хоть какое-нибудь разнообразие, хоть и однообразное. Для меня же и страдание потеряло свою сладость. Посулите мне все блага или все муки земные - я не повернусь даже на другой бок ради получения одних или во избежание других. Я медленно умираю. Что может развлечь меня? Вот если бы я увидел верность, восторжествовавшую над всеми испытаниями, увлечение, все преодолевшее, веру,двигающую горы, если б я видел торжество мысли, примиряющее конечное с бесконечным ... Но ядовитое сомнение разрушает все. Моя душа подобна Мертвому морю, через которое не перелететь ни одной птице, - достигнув середины, она бессильно падает в объятия смерти.

Спротивляться - бесполезно. Нога моя скользит. Жизнь моя все-таки остается жизнью поэта. Можно ли представить себе более злосчастное положение? Я отмечен, судьба смеется надо мной, показывая мне, как все мои попытки к сопротивлению превращаются в поэтические моменты. Я могу описать надежду с такой жизненной правдой, что всякий, "надеющийся и верующий" в жизнь, узнает себя в моем описании, а оно все-таки - ложь: я создал его лишь по воспоминаниям.

Несоразмерность в построении моего тела состоит в том, что у меня, как у новоголландского зайца, слишком короткие передние ноги и слишком длинные задние. На месте я вообще сижу спокойно, но чуть двинусь с места, движение это проявляется громадным прыжком к ужасу всех, кто связан со мной узами родства или дружбы.

Удивительно! С каким страхом цепляется человек за жизнь, одинаково боясь и утратить, ее и удержать за собою. Иногда мне приходит мысль сделать решительный шаг, перед которым все мои прежние эксперименты окажутся детской забавой: хочу пуститься в неведомый путь великих открытий. Кораблю, спускаемому с верфи в море, салютуют выстрелами, так же хотел бы я отсалютовать и себе самому. А между тем... Мужества, что ли, не хватает у меня? Хоть бы кирпич свалился мне на голову и пришиб меня до смерти, - все был бы исход!

Зачем я не родился в бедной семье, зачем не умер ребенком? Отец положил бы меня в гробик, взял его под мышку, снес ранним воскресным утром на кладбище и сам бы закопал в могилку, пробормотав несколько слов, ему одному понятных... Лишь счастливой древности могла прийти мысль изображать младенцев в Элизиуме, оплакивающими свою преждевременную смерть.

Я никогда не был веселым в душе, а между тем веселье как будто всегда сопутствует мне, вокруг меня словно всегда порхают невидимые для других, легкие гении веселья, любясь которыми, глаза мои сияют радостью. И вот люди завидуют мне, когда я прохожу мимо них счастливый и веселый, как полубог, а я хохочу, - я презираю людей и мщу им. Я никогда не унижался до того, чтобы пожелать обидеть кого-нибудь фактически, нанести действительное оскорбление, но всегда умел повернуть дело так, что люди, вступавшие со мной в сношения, выносили впечатление какой-то обиды. Слыша, как хвалят других за честность и верность, я хохочу. Я никогда не был жестокосердым, но именно в минуты наисильнейшего сердечного волнения я принимал самый холодный и бесчувственный вид. Слыша, как превозносят других за доброе сердце, любят за нежные глубокие чувства, я хохочу. Видя ненависть и презрение ко мне со стороны людей, слыша их проклятия моей холодности и бессердечию, я хохочу, потому что, презираю людей и мщу им; я хохочу - и моя злоба удовлетворяется. Вот если бы этим добрым людям удалось довести меня до того, чтобы я провинился фактически, поступил несправедливо, - тогда я был бы побежден.

Вино больше не веселит моего сердца: малая доза вызывает у меня грустное настроение, большая - меланхолию. Моя душа немощна и бессильна; напрасно я вонзаю в нее шпоры страсти, она изнемогла и не воспримет более в царственном прыжке. Я вконец утратил иллюзии. Напрасно пытаюсь я отдаться крылатой радости: она не в силах поднять мой дух, вернее, он сам не в силах подняться; а, бывало, при одном веянии ее крыл я чувствовал себя так легко, свежо и бодро. Бывало, еду по лесу верхом, тихим шагом, а чудится - лечу на крыльях ветра: ныне же - конь весь в пене, готов рухнуть оземь, а все кажется, что я не двигаюсь с места!

Я одинок, я всегда был одинок; я покинут не людьми, - это меня не огорчило бы, - а гениями веселья. Бывало, они окружали меня со всех сторон, всюду отыскивали себе товарищей, везде ловили для меня случай; сонмы веселых улыбок толпились вокруг меня, как вокруг пьяного шаловливые школьники, и я улыбался им. Душа моя утратила самое понятие о возможности. Если бы мне предложили пожелать чего-нибудь, я пожелал бы не богатства, не власти, а страстной веры в возможность, взора, вечно юного, вечно горящего, повсюду видящего возможность... Наслаждение разочаровывает, возможность - никогда. Где найдется вино, такое душистое, пенистое, опьяняющее, как "возможность"?

Звуки проникают и туда, куда не проникают солнечные лучи. Комната у меня темная, мрачная; высокая каменная стена против окна почти совсем закрывает дневной свет. Слышатся звуки музыки... Должно быть, из соседнего двора... Вероятно, бродячий музыкант... Какой же это инструмент? Камышевая свирель? Что я слышу! Менуэт из Дон Жуана. "Умчиге же меня, могучие, полные звуки, к танцам, к шумному веселью, к женщинам! Аптекарь что-то толчет в ступе, кухарка выскребает кастрюлю, конюх выколачивает о мостовую скребницу. Но звуки музыки принадлежат мне одному, увлекают лишь одного меня! О, благодарю тебя, благодарю, кто бы ты ни был! Душа моя так оживлена, так полна восторгом!

Семга сама по себе вещь очень вкусная, но в большом количестве она вредна для желудка, как и всякая тяжелая пища. Поэтому-то однажды во время большого улова семги возле Гамбурга полиция запретила домохозяевам кормить прислугу семгой больше одного раза в неделю. Вот бы вышел такой же приказ относительно сентиментальности!!!

Солнце весело и ласково заглядывает в мое жилище; в соседней комнате открыто окно. На улице тихо, – послеобеденная воскресная пора. Я слышу, как поет жаворонок под окном красивой девушки на соседнем дворе. Из какой-то дальней улицы доносится выкрикивание разносчика рыбы. В воздухе разлита такая теплота, а город будто весь вымер... Мне вспоминается моя молодость, моя первая любовь, когда я так грустил. Теперь я грущу лишь по той первой грусти. Что такое юность? – Сон... Что такое любовь? – Сновидение...

Моя печаль – моя крепость; она расположена на вершине горного хребта среди облаков, как гнездо орла; никто не может овладеть ею. Оттуда я делаю набег в действительную жизнь, хватаю добычу, приношу домой и тку из нее картину для украшения стен моей башни. Я живу там отшельником. Все пережитое я погружаю в купель забвения вечных воспоминаний; все конечное забыто и стерто. Я, как седой старец, сижу здесь в глубокой задумчивости и тихо, почти шепотом, объясняю себе картины. Меня слушает ребенок, хотя он и помнит все сам без моих рассказов.

Со мной случилось внезапное чудо: я вдруг очутился на седьмом небе, перед сонмом богов. В знак особой милости мне было предоставлено право пожелать чего-нибудь. "Хочешь, – спросил Меркурий, – молодости, красоты, власти, долгой жизни или любви первой красавицы в свете, или какую-нибудь другую усладу из нашего хлама, – выбирай, но что-нибудь одно"... После минутного раздумья я обратился к богам со следующими словами: "Почтенные современники! Я выбираю право всегда смеяться последним". Ни один из богов не ответил ни слова, но все засмеялись, из чего я заключил, что, во-первых, просьба моя уважена, а во-вторых, что боги обладают тактом: было бы ведь некстати серьезно ответить мне: "да будет по-твоему"!

Какое-то неопределенно-грустное настроение овладело мной при виде бедняка, медленно пробирающегося по улице в потертом светло-зеленом с желтым отливом сюртуке. Мне было жаль его, но особенно взволновал меня цвет его сюртука, так живо напомнивший мне мои первые ребяческие попытки в благородном искусстве живописи: этот цвет, как нарочно, представлял мое любимое сочетание красок. Не грустно ли в самом деле, что в жизни совсем не приходится встречать этой краски, о которой до сих пор я вспоминаю с таким удовольствием? Все находят ее резкой, неприятной, годной разве для размалевки грошевых игрушек. Если мне и случается натолкнуться на нее, то, как на грех, всегда при какой-нибудь грустной встрече, в роде упомянутой. Это всегда сумасшедший или другой несчастный, словом, человек, чувствующий себя лишним на белом свете и не признаваемый людьми за собрата. ... А я-то всех своих героев окрашивают в этот незабвенный желто-зеленый цвет! Не общая ли это участь радужных красок нашего детства? Не становятся ли мало-помалу цвета этой эпохи жизни слишком яркими, резкими для нашего утомленного глаза?

Право, у меня хватило бы мужества сомневаться во всем, бороться со всеми, но я не осмеливаюсь познать, усвоить что-либо, овладеть чем бы то ни было. Многие жалуются, что жизнь чересчур прозаична, что она не похожа на роман, где случай всегда вывозит. Я тоже недоволен, что жизнь – не роман, где приходится бороться с жестокосердыми отцами, колдунами и привидениями и освобождать очарованных принцесс. Все эти враги вместе взятые – ничто в сравнении с теми бледными, бескровными, но живучими ночными призраками, с которыми я борюсь, хотя сам же вызвал их к жизни.

Двери счастья отворяются, к сожалению, не внутрь тогда их можно было бы растворить бурным напором, а изнутри, и потому ничего не поделаешь!

Моя душа, моя мысль бесплодны, и все же их терзают непрерывные бессмысленные, полные желания родовые муки. Неужели же мне никогда не сообщится дар духа, который бы развязал мой язык, неужели я навеки осужден лепетать?

Мне нужен голос пронзительный, как взор Линцея, поражающий ужасом, как вздох гигантов, неистощимый, как звуки природы, насмешливый, как порыв внезапно хлестнувшего в лицо дождем ветра, злой, как бездушное глумление эха, с диапазоном от basso profundo до самых нежных, чарующих грудных звуков, со всеми переходами от благоговейного шепота до дикого вопля отчаяния. Вот что нужно мне, чтобы облегчить душу и высказать все, что томит ее, потрясти диафрагму и любви и злобы... Но голос мой хрипл, как крик чайки, и беззвучен, как благословение на устах немого.

Самая прекрасная пора жизни – пора первой любви: каждое свидание, каждый взгляд приносят какую-нибудь новую радость.

Мой взгляд на жизнь лишен всякого смысла, – мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает все до чудовищных размеров, а другое до такой же степени уменьшает.

Скептик – мембуфйгьменпж,* он, как спущенный волчок, может некоторое время вертеться на острие, но утвердиться на месте он не в состоянии. Буквально: "бичуемый" (греч.) – юла, запускаемая с помощью хлыста или прута. Ср. укр. "навіжений". Смешнее всего суесться, т. е. принадлежать к числу тех людей на свете, о которых говорится: кто быстро ест, быстро работает. Когда я вижу, что такому деловому господину в самую решительную минуту сядет на нос муха, или у него перед носом разведут мост, или на него свалится с крыши черепица – я хохочу от души. Да и можно ли удержаться от смеха? И чего ради людей суеются? Не напоминают ли они женщину, которая, засуетившись во время пожара в доме, спасла щипцы для углей? – Точно они спасут больше из великого пожара жизни!

У меня вообще не хватает терпения жить... Я не вижу, как растет трава, – а раз я не вижу этого, я и совсем не желаю смотреть! Мои воззрения похожи на размышления странствующего схоластика, пролетевшего поле жизни сло-мя голову... Говорят: Творец насыщает желудок прежде глаз – я этого не замечаю. Мой взор давно пресыщен жизнью, а сам я все-таки голоден...

Спрашивайте меня о чем угодно, только не о причинах. Молодой девушке извиняют, если она не может привести причин на том основании, что она-де живет чувством. Со мной не то: у меня обыкновенно бывает так много одна другой противоречащих причин, что по этой причине я и не могу сослаться ни на одну причину что же касается отношения между причиной и следствием, то и тут, если не ошибаюсь, что-то неладно. То громадная причина имеет самые ничтожные последствия, а то и вовсе никаких – какая-нибудь вздорная ничтожная причина ведет к колоссальным последствиям.

Жизнь превратилась для меня в горький напиток, а мне еще приходится принимать его медленно, по счету, как капли...

Следует отдать справедливость так называемым невинным радостям жизни; в них лишь один недостаток: они слишком уж невинны. К тому же и пользоваться-то ими приходится донельзя умеренно... Я еще понимаю, если мне предписывает диету доктор, – можно некоторое время воздерживаться от известных блюд... но соблюдать диету в диете – это уж чересчур!

Никто не возвращается из царства мертвых... – никто не является на свет без слез... – никто не спрашивает, когда хочешь явиться... – никто не справляется, когда желаешь уйти...

Говорят: время летит, жизнь идет вперед и т.п. Не замечаю. И время стоит, и я стою. Все планы, которые выбрасывает мой ум, не идут в ход, а возвращаются ко мне; хочу плюнуть – плюю себе в лицо.

На что я гожусь? – Ни на что, или на все что угодно. Редкая способность! – сумеют ли оценить ее? Кто знает. находят ли себе место служанки, которые публикуются в качестве "одной прислуги" или, в случае надобности, в качестве "чего угодно"?

Ни одной беременной женщине не придут в голову такие причудливые и нетерпеливые желания, какие появятся у меня. Они относятся то к самым ничтожным, то к самым возвышенным предметам, но все равно отражают мгновенный страстный порыв души. Сейчас, например, мне хотелось бы тарелку размазни! Мне вспоминаются школьные годы, – нам всегда подавали ее по средам. Помню, какая она была гладкая и нежная, как улыбалось мне таявшее в ней масло, какой горячий пар шел от нее, как я бывал голоден и с каким нетерпением ожидаю позволения приняться за нее! Вот бы теперь тарелку такой размазни! Я готов дать за нее свое первородство, – даже больше!

Никогда не следует падать духом. "Когда беды и несчастья обрушиваются на человека самым жестоким образом. в облаках появляется спасительная рука", – так сказал недавно за вечерней господин пастор.

Я частенько бываю под открытым небом, однако ни разу не видал ничего такого. Несколько дней тому назад мне, правда, показалось нечто подобное, но и это была не рука, а что-то похожее на простертую из облаков руку. Я подумаю: жаль, что нет тут нашего пастора, а то он решил бы, не на это ли явление он тогда намекают. Размышления мои прервал какой-то прохожий. "Вы видите этот смерч? - начал он, указывая на облачную руку. - Его в наших местах редко увидишь, а случается, он уносит с собой целые дома!"... О-о! Так это - смерч! И я со всех ног пустился домой. Как на моем месте поступил бы господин пастор?

Пусть другие жалуются, что наше время дурно, - я недоволен им за то, что оно ничтожно, совершенно лишено страсти. Мысли современного человека жидки и непрочны, как кружева, а сами люди жалки, как кружевницы. Людские помыслы слишком ничтожны даже для того, чтобы назваться греховными. Червяку еще, пожалуй, можно бы вменить в грех такие помыслы, но человеку, созданному по образу Бога! ... Желания людские степенны и вялы, страсти спят - люди только "исполняют свои обязанности" и то, как торгаши-евреи, позволяющие себе немножко поурезать червонец. Они думают, что как бы Всевидящее Око ни следило за ними, авось все-таки им удастся урвать малую толику... Гадко! Вот почему душа моя постоянно обращается к Ветхому завету и Шекспиру... Там, по крайней мере, чувствуется, что говорят люди, - там ненавидят, там любят, убивают своего врага и проклинают его потомство во всех поколениях ... там - грешат!

Маг Вергилий велел изрубить себя в куски, бросить в котел и варить в продолжение восьми дней - посредством этого процесса он должен был вновь стать молодым. Чтобы чужой глаз не мог заглянуть в волшебный котел до срока, он приставил караульного. Тот, однако, сам не выдержал искушения и Вергилий в виде младенца с плачем исчез навсегда! Я тоже слишком рано, кажется, заглянул в котел жизни и исторического развития и вследствие этого, вероятно, не пойду дальше младенчества.

Я делю свое время так: одну половину сплю, другую - грежу. Во сне я не вижу никаких сновидений, и это хорошо, потому что уметь спать - высшая гениальность.

Быть вполне человеком - все-таки выше всего... У меня на ногах появились мозоли - значит шаг вперед.

В результате моей жизни получится "ничто" - она представляет собой одно настроение, один колорит; выйдет, таким образом, нечто вроде картины художника, которому поручили изобразить переход евреев через Красное море: он покрыл все полотно красной краской, поясняя, что евреи перешли, а египтяне утонули.

Что ни говорите, а человеческое достоинство признается еще в природе. Желая отогнать птиц от плодовых деревьев, ставят чучело, и даже отдаленного сходства этого пугала с человеком достаточно для того, чтобы внушить уважение.

Лучшим доказательством ничтожества жизни являются примеры, приводимые в доказательство ее величия.

Поплая судьба! Напрасно ты, как старая развратница, замазываешь свои морщины белилами, напрасно звенишь своими шутовскими бубенчиками. Надоела ты мне! Все то же да то же, все *idem per idem*, никакого разнообразия - все одно и то же разогретое вчерашнее блюдо. Придите хоть вы, сон и смерть, одни вы, ничего не обещая, все исполняете!

Для того, чтобы любовь имела какое-нибудь значение, первое проявление ее должно быть озарено луной, как и Апис, чтобы стать настоящим Аписом, при рождении своем должен быть озарен луной. Корова, разрешившаяся Аписом, тоже должна быть озарена луной в момент зачатия?

Большинство так усердно гонится за наслаждениями, что обгоняет их. Люди в этом случае напоминают карлика, сторожившего похищенную принцессу: однажды он прилег вздремнуть после обеда, а когда проснулся, принцессы и след простыл. Он спешит надеть свои семимильные сапоги - и одним шагом далеко обгоняет ее.

Как жизнь пуста, ничтожна! Хоронят человека: провожают гроб до могилы,

Серен Обю Кьеркегор Афоризмы эстетика filosofff.org
бросают в нее горсть земли: туда едут в карете и возвращаются в карете;
утешают себя тем, что еще долгая жизнь впереди.

Душа моя угнетена, подавлена каким-то мрачным, тяжелым предчувствием...
мысль не в состоянии унести ее от земной юдоли в свободный эфир... И даже
выйдя из оцепенения, она продолжает тяготеть к земле и низко стелется над
ее поверхностью, как птица перед грозю.

Женщины! Что в них? Красота их исчезает, как сон, как вчерашний день.
Верность их... Да в том-то и дело! Они или легкомысленны (что меня
перестало интересовать), или верны. Одна из них еще могла бы, пожалуй,
увлечь, заинтересовать меня... как редкость, но не больше, - ведь окажется
она верной в истинном смысле слова, я стал бы жертвой собственного
эксперимента: мне пришлось бы тоже посвятить ей всю свою жизнь, а не
выдержи она - опять старая история!

Я слышу два знакомые удара смычка! И это здесь на улице! Да уж не лишился
ли я рассудка? Или слух мой, влюбленный в музыку Моцарта, сам обманывает
себя? Или милосердные боги, из сострадания ко мне, как нищему, сидящему у
врат храма, даровали мне ухо, способное слышать им же самим воссозданные
звуки? Я слышу эти два звука... и ничего больше. Как в бессмертной
увертюре", они всплывают из-под низких аккордов хорала, так и теперь они
ясно выделяются из уличного шума и гама со всей неожиданностью откровения.
Однако это должно быть где-нибудь близко... Вот раздались веселые, манящие
к танцам звуки... - А! Так это вам обязан я наслаждением, бедные бродячие
артисты! Один из них, лет семнадцати, одет в зеленый сюртук с большими
костяными пуговицами. Сюртук ему не по росту. Скрипка прижата к подбородку;
фуражка сдвинута на брови; на руке перчатка без пальцев, ладони посинели от
холода. Другой, постарше, в шинели. Оба слепые. Маленькая девочка, должно
быть, поводырь, стоит возле, спрятав руки под платок. Мало-помалу вокруг
музыкантов образовался целый кружок поклонников их музыки: почтальон с
сумкой, мальчик, кухарка, двое мастеровых да я. Щегольские барские экипажи
с шумом катили мимо, грохот ломовых телег почти заглушал звуки музыки.
Знаете ли вы, бедные музыканты, что в этих звуках все прелести жизни? Не
похож ли этот случай на свидание?

За кулисами загорелось. клоун выскочил предупредить публику. Решили, что он
шутит, и давай аплодировать. Он повторяет - еще более неистовый восторг.
Сдается мне, пробьет час, и мир рухнет при общем восторге умников,
воображающих, что и это - буффонада.

В чем вообще смысл жизни? - Людей, собственно, можно разделить на два
класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, другой не нуждается в
этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить
это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет
ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого
класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых
условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти - вновь, кажется,
противоречие...

Сущность наслаждения заключается не в предмете наслаждения, а в
представлении о наслаждении. Если б я имел в услужении сказочного духа и
приказал ему доставить мне стакан воды, а он принес бокал лучшего в мире
вина, я бы прогнал его и не позволил являться на глаза, пока он не поймет,
что сущность наслаждения не в наслаждении чем-либо, а в исполнении желания.

Да, я не господин своей судьбы, а лишь нить, вплетенная в общую ткань
жизни! Но если я и не могу ткать сам, то могу обрезать нить.

Все должно совершаться в безмолвной тишине, - в ней таится обоготворяющая
сила.

Слова:

"Mit einem Kind, dass göttlich, wenn Du schweigst,
Doch menschlich, wenn Du das Geheimnis geist" *,

можно применить не только к судьбе ребенка Психеи. Дитя то - Божество, пока
безмолвен ты,

Но - человек, коли залог нарушишь немоту (нем.). Пер. М. Белорусца.

Я, по-видимому, осужден пережить всевозможные душевные настроения, чтобы
набраться опыта. И вот я ежеминутно попадаю в положение ребенка, которого
учат искусству плавания посреди океана. Я кричу (этому меня научили греки,

Серен Обю Кьеркегор Афоризмы эстетика filosoff.org
у которых вообще можно научиться всему чисто человеческому), хотя на меня и наложен пояс, - я не вижу палки, за которую меня поддерживают над водой. Приобретать опыт таким образом - страшно.

По-моему, нет ничего пагубнее воспоминаний. Если какие-нибудь житейские обстоятельства или отношения переходят у меня в воспоминания, значит самые отношения уже покончены.

Говорят, разлука обновляет любовь. Это правда, но лишь в поэтическом смысле. Жить воспоминаниями - нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая "действительность", какой никогда не имеет самое действительность. Когда я вспоминаю какие-нибудь житейские отношения, они уже достояние вечности и временного значения не имеют.

Философские учения о жизни зачастую так же обманывают, как вывески с надписью: "Стирка белья" на толкучке. Вздумай кто явиться сюда с бельем, он будет сильно разочарован, - вывеска выставлена для продажи.

Если кому следовало бы вести дневник, так это мне, особенно для памяти. Время спустя, я часто забываю, что побудило меня к тому или иному поступку - и не только тогда, когда речь идет о пустяках, но даже в самых серьезных случаях жизни. Если же мне иногда и удается впоследствии припомнить причину, то она обыкновенно кажется мне такой странной, что я просто отказываюсь признать ее. А имей я привычку записывать все, подобное сомнение было бы устранено.

Да, причина вообще странная штука: если душа моя взволнована страстью, причина вырастает в колоссальную необходимость, могущую поколебать вселенную; в спокойном же состоянии духа я отношусь к ней свысока. Я уже давно задумываюсь над причиной, по которой я отказался от адьюнктуры. Теперь мне думается, что я был бы как раз на своем месте в этой должности. Сегодня же меня озарила мысль, что это именно и было причиной моего отказа: если бы я занял эту должность, мне бы уже не на что было рассчитывать впереди, я мог лишь все проиграть и ничего не выиграть в будущем. Оттого я предпочел искать счастья в труппе странствующих актеров: у меня нет таланта, следовательно, я могу надеяться на счастье и у меня все впереди.

Надо быть очень наивным, чтоб решиться прибегать к шуму и крику. Будто судьба человека изменится от того! Нет, лучше уж примириться с ней, взять ее, какова она есть, не мудрствуя лукаво.

В дни молодости, заказывая бифштекс в ресторане, я всегда напоминал слуге: "Смотри же, хороший кусок и не слишком жирный". Но слуга ведь мог и не расслышать моих слов, не говоря уже о том, что он бы мог просто не обратить на них внимания. Кроме того, мои слова должны были еще проникнуть на кухню, дойти до ушей повара... Положим, однако, что все это удалось, ведь и тогда могло оказаться, что нет ни одного хорошего куска на кухне! ... Теперь уж я не кричу.

Чувства гуманности и филантропические стремления распространяются все более и более. - В Лейпциге образовалось общество, поставившее себе задачей: из сострадания к печальной кончине старых лошадей... есть их.

Лучший мой друг - эхо, а почему? - Потому, что я люблю свою грусть, а оно не отнимает ее у меня. У меня лишь один поверенный - ночная тишина... Почему? - Потому что она нема.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!